

Публикации в «Русском пионере» имеют для меня особое значение. Собственно, и статус «Пионера» в русской журналистике особенный. Общеизвестно: если прибавить к любому понятию определение «русский», выходит немного как бы троллинг, то есть издевательство. Или по крайней мере некоторый сдвиг по отношению к общепринятому: русский бизнес — это не совсем бизнес, русский размер — это размер, не лезущий ни в какие ворота, ну и русский пионер — это журнал «Пионер» тех времен, когда без слова «русский» просто неприлично было выйти в люди.

В некотором смысле он действительно восходит к журналу «Пионер», где лучшие дети, школьная элита, рассказывали о своих приклю-

чениях, увлечениях и хобби. Пионеры подросли и стали элитой постсоветского общества, то есть действительно первыми. Но увлечения у них по-прежнему остались, а главное — им по-прежнему хочется рассказывать о себе в журнале. Только это должен быть очень хороший журнал, адресованный именно им и таким, как они.

А еще они пионеры потому, что девиз пионера «Будь готов!». И они действительно всегда готовы. Ко всему. Это очень чувствуется в их текстах. Это тексты людей, находящихся как бы по другую сторону, за гранью дозволенного и возможного. Мне кажется, в России очень правильно быть готовым. Как и находиться за гранью дозволенного, если получится.

Этот журнал возглавляет Андрей Колесников — по моему глубокому убеждению, журналист номер один, признанная звезда кремлевского пула. Его Путин видел, как повествуется в одной из лучших его книг. Он сделал невозможное — научился писать о Путине смешно, но так, чтобы смешно было и самому Путину. Он успел укоренить, так сказать, легитимизировать этот стиль в те времена, когда Путин еще не был единственным гарантом существования России, когда он не вполне забронзовел и даже

ценил в подчиненных некоторую дерзость. А теперь и Колесникову уже поздно меняться. Как пронизательно заметил Виктор Пелевин, в России первоначальное накопление является также и окончательным — то есть кто чего успел хапнуть в момент перемен, тот с тем и останется на всю стабильность. Колесников успел закрепить за собой право писать вот так, с долей здорового абсурда, иногда на грани фола, и теперь им обоим — ему и Путину — уже поздно меняться. Не побоюсь сказать, что Колесников — последний привет нам из тех времен, когда власть еще считала, что опираться надо на профи. С тех пор профи вытеснены почти из всех сфер, в том числе из журналистики, и заменены на идейно своих, классово близких и физиогномически родственных. Но Колесников остался. Наверное, потому, что им действительно весело его читать. Они же вообще веселые ребята, любят пошутить и наверняка в своем кругу от души хохочут над всякими там скрепами.

Колесников перезнакомился со всеми первыми лицами и решил делать про них журнал. Не только про министров и олигархов, разумеется, а про лидеров общественного мнения, культурных героев и духовных вождей. Он собрал по своему вкусу лучших журналистов, знакомых

ему еще по «Столице» — очень недурному журналу. Привлек Андрея Макаревича и даже Марлена Хуциева, который в свои 92, дай Бог ему здоровья, пишет динамичнее многих молодых. Как бы лучшим — лучшее, избранным — избранное. Печататься в этом журнале стало престижно даже для тех, кто уже выше любых понятий о престиже; для тех, кого простому человеку было бы сверхпрестижно поцеловать страшно сказать куда. Но они там печатаются, и журнал «Русский пионер» будет успешно существовать даже тогда, когда здесь вообще не останется ни бумажной прессы, ни прессы, ни бумаги. Я даже думаю, если у последних граждан России будет выбор — напечатать на последнем рулоне бумаги немного денег или последний номер «Русского пионера», они выберут «Пионер». Потому что деньги у них есть и так, и от них уже не будет никакого толку.

Я попал в этот избранный круг, в общем, случайно. Я ничего не делаю для того, чтобы понравиться избранным читателям, и не уверен, что нравлюсь им, но мне очень симпатична большая часть пионерских колумнистов — скажем, Бильжо, или Ольга Аничкова, или сам Колесников, чьей дружбой я горжусь без всякой иронии. И мне нравится колесниковский способ проверять качество текстов: он устраивает так

называемые пионерские чтения, во время которых авторы читают свои опусы вслух. Это замечательный контроль качества: чтение вслух выдерживает далеко не всякий текст. Однажды Лев Толстой услышал — ему уже было лет 80, — как семья вечером читает какую-то прозу, прислушался и подошел поближе: удивительно хорошо написано! Оказалась «Анна Каренина». А если слушать такое чтение скучно, то, значит, и писать не стоило.

Номера «Пионера» строятся по тематическому принципу, вокруг какой-нибудь глобальной и абстрактной проблемы вроде нефти или связи; это не только дает журналу конкретного рекламодателя — тоже дело в наше время не последнее, — но и заставляет колумнистов поупражняться в свободном ассоциативном мышлении, в поиске прихотливых сюжетных поворотов. Я очень люблю фантазировать на вольную тему, потому что какой-то дисциплинирующий контроль нужен всякому сочинителю — будь то заданная тема для импровизации, объем, формат или запрет. В «Пионере», кстати, запретов нет. Элите в России действительно многое позволено. Самым свободным лагерем в СССР был «Артек». Да и оппозиционеры тут обычно куются из числа элиты — у них есть чувство собственного

достоинства, они не всегда позволяют наступать на свои интересы, у них есть образец в виде декабристов или диссидентствующих академиков. Так что для «Русского пионера» я стараюсь писать хорошо. И поскольку это пишется на заданную тему, то выходит обычно более откровенно, чем даже в стихах: работая в формате, проговариваешься непреднамеренно и потому искренне.

Мне кажется, «Пионер» — последний по настоящему свободный журнал нашей эпохи. Там даже Путин печатается. Я не склонен считать его самым свободным человеком нашей эпохи, да и самым безнаказанным — вряд ли. Но ему пока можно больше остальных. Здесь собраны очерки и рассказы, в которых я тоже позволил себе чуть больше обычного — не в политическом смысле, а вообще.

Будьте готовы!

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Любому новому человеку, который придет к власти в России, будет очень трудно.

Трудно ему будет независимо от того, как он к ней придет. Законным путем, посредством выборов, в результате назначения, престолонаследования или визита инопланетян. Визит инопланетян даже более вероятен, чем смена власти на выборах, поэтому зарекаться нельзя ни от чего, но и самому легитимному, самому любимому наследнику будет очень трудно. Особенно трудно будет тому, кого вознесет волна народной любви. Народ немедленно потребует соответствовать своим чаяниям, а чаяния у него меняются по настроению. Надо будет сразу показать доброту и одновременно силу, открутить гайки и показать, что распускаться нельзя, помило-

вать всех политзаключенных и немедленно расстрелять, чтобы народ понял, с кем имеет дело. Так что первый шаг нового правителя России — подчеркиваю, нового, а не старого в новом статусе, — должен продумываться заранее, очень тщательно; я даже думаю, такой шаг может быть единственным. В 1990 году я интервьюировал в Токио японского премьера (тогда уже бывшего) Накасонэ и спросил — какие ошибки, по его мнению, делает Горбачев. «Никаких, — ответил хитрый японец. — Потому что в сложившейся ситуации ему остаются единственные ходы». Подозреваю, что предлагаемая программа — единственная, у которой есть шанс понравиться всем. Более того, она абсолютно выполнима. И еще более того — все остальные уже доказали свою невыполнимость. Так что если вы меня слушаете, успех я вам гарантирую. И все это совершенно бесплатно, потому что в прекрасной России будущего, подсказывает мне интуиция, лучший приз — это удаленность от власти.

Итак, программа «Пенсионная Россия».

Так же, кстати, будет называться и партия власти, приниматься в которую будут все без исключения по достижении пенсионного возраста. О пенсионном возрасте чуть ниже.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ. В любой стране приживается только то, что соответствует ее психологическому возрасту. Возраст страны тоже существует, это обосновал Шпенглер в «Закате Европы» и повторил Лев Гумилев в своей беллетристике. Россия сейчас на пенсии. Для нее характерны все черты пенсионера, а именно:

1. Она хочет ничего не делать, и чтобы все ее за это уважали. Она уже поработала, теперь имеет право. Предки полили ее потом, кровью, вообще всем, завоевали огромные территории, теперь она может качать нефть и почивать на ней.

2. У нее все в прошлом. В нем она имела великие заслуги — культурные, научные и военные. Теперь ее главное занятие — напоминание об этих заслугах, борьба за них, постоянное перечисление обидчиков, желающих переписать ее трудовую книжку. Когда-то она была ого-го, сейчас весь ее статус удерживается на великих воспоминаниях, и все родственники почтительно склоняют головы перед этими заслугами. Что и как там было — никто копать не хочет, хотя есть основания полагать, что имеются некие старческие преувеличения по части альтруизма и героизма, что кое-какие подвиги очень сильно мифологизированы, а некоторых просто не бы-